

Спустя пять дней, когда рабочая неделя уже близилась к концу, Цэнь Сяо позвонила Сяо Мужань.

Первым же делом она осторожно спросила:

— Ли Жун сейчас с тобой?

Мужчина взглянул на часы — было десять вечера. То, что юноша находился рядом, было вполне логично, поэтому он ответил:

— Да, мы как раз собираемся поужинать.

Только что вышедший из душа Ли Жун, обёрнутый в полотенце на бёдрах, стоял с обнажённым торсом. С его волос всё ещё стекали капли воды, а вокруг витал освежающий мятный аромат геля для душа. Услышав ответ Цэнь Сяо, он выразительно вскинул бровь. Быстро догадавшись, кто на другом конце провода, юноша тут же перестал шаркать тапочками по полу.

Благоухающий свежестью, он прильнул к возлюбленному и звонко произнёс в сторону телефона:

— Учитель Сяо, я здесь.

Голос женщины в то же мгновение стал на несколько тонов нежнее:

— Почему вы так поздно ужинаете? Я слышала, у тебя проблемы с желудком, нужно питаться регулярно. Я знаю одного очень хорошего диетолога; если хочешь, я попрошу её составить для тебя программу восстановления.

Юноша улыбнулся:

— Спасибо вам, учитель Сяо, но я уже иду на поправку.

Сказав это, он с долей сочувствия коснулся волос Цэнь Сяо, бросая на него ласковый, ободряющий взгляд. Забота Сяо Мужань о нём явно превосходила ту, что она проявляла к родному сыну, и причиной тому был Ли Цинли.

Если бы профессор Ли добился успеха и жил счастливо, женщина, скорее всего, ограничилась бы лишь чувством вины за юношеские ошибки и меркантильность своих родителей. Но судьба Ли Цинли оказалась слишком трагичной, и у неё так и не появилось возможности попросить у

него прощения. Теперь ей оставалось лишь пытаться искупить свою горечь, перенося всю нерастрченную нежность на сына старого друга.

Ли Жун знал, что в прошлой жизни та болезненная, противоречивая форма любви, которую проявлял к нему Цэнь Сяо, во многом была обусловлена поведением его матери. Ни один ребёнок не хочет быть обделённым родительским вниманием, и Цэнь Сяо, вынужденный повзрослеть слишком рано, не был исключением.

И именно из-за любви к нему Ли Жун не мог не сопереживать. Как, например, сейчас: ему искренне хотелось, чтобы Сяо Мужань хоть разок спросила, как дела у её собственного сына.

Цэнь Сяо прекрасно понимал эти мысли. Воспользовавшись моментом, он обнял Ли Жун за талию, медленно ведя ладонью по линии бедра. Прохладная, влажная кожа не давала ему отвести руку, а тонкий аромат мяты медленно кружил голову. Мужчина был по натуре властным; он не нуждался в чужой жалости, но с этим юношей всё было иначе.

Когда Ли Жун сопереживал, он выглядел невероятно трогательно: брови едва заметно хмурились, веки приподнимались, являя влажный, пронзительный взгляд, а уголки губ опускались, словно он безмолвно протестовал против несправедливости. Цэнь Сяо, хоть и не склонен был к самосожалению, не мог не любоваться этим редким зрелищем.

Живой, волнующий образ, заставляющий сердце биться чаще. То, что такая красота расцветает именно ради него, уже было лучшим лекарством.

Сяо Мужань словно спохватилась и добавила:

— Цэнь Сяо, ты тоже не слишком утомляйся на работе. Вам обоим нужно пораньше лечь отдыхать.

Он, не выпуская Ли Жун из объятий, увлёк его в спальню. Накинув полотенце на мокрую голову юноши, он спросил мать:

— Дедушка что-то рассказал?

— Да, — ответила она.

Тот замер, перестав вытирать волосы, а Цэнь Сяо прищурился:

— И что именно?

— Твой дедушка подтвердил, что в молодости Чжу Янь действительно совершил крайне аморальный поступок. Об этом мало кто знает. В тот год дедушка преподавал историю в

Университете А, и один из сотрудников лаборатории поделился с ним этой историей. Но дедушка велел передать тебе: тогда не было интернета, информация распространялась плохо, а свидетели тех событий уже почти все в могиле. Времени прошло слишком много, никаких доказательств не осталось. Так что прими это просто как слух и не вздумай искать неприятностей. Не пытайся идти против него. Если попытаешься свалить такого человека и потерпишь неудачу — ты лишь навлечёшь на себя беду. А если выйдет — ты обескровишь Исследовательский институт «Хунсо», и он может никогда не оправиться.

Исследовательский институт «Хунсо» и Объединённая торговая палата «Ланьшу» находились в состоянии постоянного противостояния, уравнивая друг друга, что было критически важно для здорового развития науки. Стоило этому балансу сил нарушиться, как победившая сторона неминуемо была бы поглощена жадной наживы, превратившись в марионетку капитала.

Цэнь Сяо нахмурился:

— Меня не интересует грязное бельё Чжу Яня ради простого любопытства. Я хочу знать его уязвимое место.

Тогда Сяо Мужань начала свой рассказ:

— В те годы он возглавлял один из факультетов Университета А — тогда он не назывался Институтом биотехнологий, но суть была та же. Кажется, один из его аспирантов написал выдающуюся научную статью и хотел опубликовать её в международном журнале на английском языке. Но у того студента был очень плохой английский, и он попросил Чжу Яня помочь с переводом и отправкой рукописи. Тот, прочитав работу, понял, что она блестящая, и лично взялся за перевод. Английский у него был на высоте, к тому же он считался признанным экспертом, так что текст в его исполнении выглядел безупречно. Вот только своё имя директор вписал в список авторов первым.

Услышав это, Ли Жун бросил полотенце. Он лишь презрительно покачал головой.

Такой ход автоматически делал студента лишь вторым автором. Любой человек из научной среды понимает, какая пропасть лежит между первым и вторым авторством. Даже если перевод Чжу Яня был гениальным, это было вопиющей несправедливостью. Но бедный юноша в эпоху отсутствия интернета и чётких этических норм был практически лишён возможности защитить свои права.

Цэнь Сяо, хоть и не был учёным, сразу уловил суть:

— Чжу Янь просто присвоил плоды труда своего ученика?

— Если называть вещи своими именами — да, украл, — продолжила Сяо Мужань. — Но сам он, вероятно, считал, что без его перевода статью бы никогда не напечатали, а значит, его роль

была решающей. К тому же он был наставником, и студент якобы обязан был его «отблагодарить». Нельзя судить о тех временах с позиции сегодняшнего дня — тогда подобные случаи были сплошь и рядом.

Юноша горько усмехнулся:

— И даже сейчас, когда взгляды общества изменились, а контроль за академической этикой стал жёстким, он, оглядываясь назад, вряд ли чувствует хоть каплю раскаяния.

Сяо Мужань лишь печально вздохнула. Разумеется, никакого покаяния ждать не стоило. Прошло слишком много времени, и это постыдное прошлое должно было, словно дорожная пыль, навсегда осесть в земле.

— Кажется, тот студент был человеком вспыльчивым и упрямым. Из тех, кто не терпит несправедливости. Он требовал объяснений от наставника, ходил к ректору, искал поддержки у сокурсников. Настаивал, чтобы Чжу Янь отправил письмо в редакцию журнала и вернул ему статус первого автора. Директор, конечно, не мог на это пойти — такой скандал навсегда закрыл бы ему путь в международные издания, а редакторы и рецензенты просто внесли бы его в чёрный список. А потом в его лаборатории случилась утечка химикатов, произошло заражение. Кто-то якобы видел, что это сделал тот самый студент. Чжу Янь тут же выставил его вон, даже не дав закончить магистратуру. Лабораторию опечатали и с тех пор больше никогда не открывали — она так и стоит заброшенная. А куда делся тот парень, никто не знает.

Ржавая медная табличка всё ещё качается на выцветшей стене, а чёрные разбитые окна слой за слоем покрываются пылью и паутиной. Память, запечатанная тридцать лет назад, томится в тесном одноэтажном здании вместе с гнилой мебелью и старым хламом. Это место стало настоящим «островом отчуждения» в самом сердце Университета А — заросшим бурьяном и всеми забытым. Если бы не они, случайно забредшие туда, никто бы и не разглядел на облупившейся табличке едва различимое имя: Чжу Янь.

Ли Жун опустил взгляд и тихо спросил:

— Неужели это действительно была ошибка студента?

— Не знаю, — честно призналась Сяо Мужань.

Возможно, и так. Слеплённый яростью и ненавистью к наставнику, юноша мог в порыве отчаяния пойти на такой шаг. Но не исключено, что Чжу Янь просто решил избавиться от опасного свидетеля, подстроив аварию.

— Как звали того студента? — спокойно спросил Цэнь Сяо.

— Понятия не имею. Безвестный человек, один из тысяч — кто станет помнить его имя?

— Но ведь осталась та самая опубликованная статья. Можно сопоставить год и тему, и мы его найдём.

Сяо Мужань грустно улыбнулась:

— У него слишком много публикаций и слишком много учеников. А работ, к которым он приложил руку лишь формально, вписав своё имя первым, — и того больше. В те годы многие вещи не регулировались, и мало кто всерьёз заботился о чистоте своей репутации.

Однако Цэнь Сяо не собирался так просто сдаваться.

— Ничего, спешить нам некуда, — невозмутимо произнёс он. — Будем искать зацепки, рано или поздно что-нибудь да всплывёт.

— Это всё, что мне удалось узнать, — подытожила Сяо Мужань. — Для большинства это лишь мелкий эпизод из прошлого. Мой отец презирает Чжу Яня скорее из-за своего снобизма; эта история для него — лишь удобный повод упрекнуть того в беспринципности. Прости, Ли Жун, кажется, это никак не связано с твоими родителями. Они учились за границей и никогда не были его учениками.

— Я понимаю, — с благодарностью ответил юноша. — И всё равно, спасибо вам огромное.

— Не за что. Но всё же, будьте осторожны. С одной стороны, я чувствую, что дело твоих родителей невероятно запутанное, а с другой — очень хочу, чтобы это было не так. Если в это замешан даже Чжу Янь... значит, в этой цепочке слишком много влиятельных людей. Они автоматически станут монолитной стеной. Я очень боюсь за вашу безопасность.

Сяо Мужань была права. В прошлой жизни Ли Жун даже не успел подобраться к истине, как те, чьи интересы были затронуты, перешли к решительным действиям. Цэнь Сяо тоже не питал иллюзий. В деле наверняка замешано множество людей, ведь даже Ду Минли перед смертью с таким пафосом вещал о некоем «общем благе».

Когда разговор был окончен, Ли Жун принялся утешать мужчину.

— Хоть мы пока и не видим прямой связи с моими родителями, теперь мы хотя бы знаем уязвимое место Чжу Яня.

Цэнь Сяо уложил его в постель и заботливо укрыл одеялом:

— Пусть Цзянь Фу потихоньку копает. Сейчас наша главная цель — «Сухэ Био».

Юноша поёрзал под одеялом и ловким движением сбросил ненужное теперь полотенце на пол.

— Может, я и предвзят, но мне всё кажется, что тем студентом был Чжан Чжаохэ. Однако у него за все эти годы нет никаких академических достижений, он даже лекции читает по бумажке. К тому же он слишком скрытен и хитёр, он мастер психологических манипуляций — это совсем не вяжется с образом того импульсивного правдоруба из истории.

Цэнь Сяо подобрал влажное полотенце и, перехватив юношу за тонкую щиколотку, поглубже подоткнул одеяло.

— Если это действительно Чжан Чжаохэ, то зачем ему было возвращаться в Университет А и годами прозябать в роли никчёмного преподавателя, которого не уважают даже студенты?

Ли Жун нахмурился, погрузившись в раздумья. Затем он резко приподнялся, позволяя одеялу соскользнуть с груди:

— С точки зрения нормального человека месть должна заключаться в том, чтобы превзойти Чжу Яня в науке, занять его место, а затем предать огласке его старые грехи.

Тот и сам действовал по этой логике: он хотел создать лекарство, которое окончательно излечит прогеррию, и тем самым сокрушить «Цзякэтин», принадлежащий компании «Сухэ Био».

— Главное детище Чжэн Чжупаня — это «Цзякэтин», и чтобы отомстить ему, я должен ударить именно по препарату, — пробормотал Ли Жун. — Но что, если для Чжу Яня научные достижения — не самое важное?

— Для человека, посвятившего науке десятилетия, это невозможно, — возразил Цэнь Сяо.

Юноша медленно покачал головой, и его взгляд стал пугающе холодным:

— Ему уже за семьдесят, он ходит-то с трудом, под руку, но при этом упорно не желает уступать кресло директора Исследовательского института «Хунсо» Цзян Вэйдэ. Больше всего на свете он дорожит властью. И если я хочу его уничтожить, я должен заставить его почувствовать, как эта власть ускользает из рук. Я превращу его в марионетку, в пустую оболочку.

Цэнь Сяо протянул руку и, приподняв Ли Жуна за подбородок, посмотрел на него со спокойной нежностью:

— Раз мой милый такой умный, почему же в нашу первую встречу он умел только сыпать проклятиями и лезть в драку?

Тот замер, вглядываясь в глаза мужчины, а затем лукаво улыбнулся и потёрся подбородком о его пальцы:

— И что мне оставалось делать? Резать себя каждый день по кусочку?

Он действительно был умён. И он всегда знал: самое дорогое, что есть у Цэнь Сяо, — это он сам. И в этом была его главная слабость в прошлом: чтобы причинить боль любимому человеку, ему приходилось калечить себя.

— Ну, тебе к этому не привыкать, — тихо фыркнул Цэнь Сяо.

Ли Жун поднялся на колени и, обвив шею партнёра руками, прильнул к нему. Его глаза сияли:

— Да, я такой — коварный и беспощадный. Но ты ведь всё равно будешь меня жалеть.

<http://bllate.org/book/15351/1571158>